

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРАВЫЕ: ЭЛИТЫ И ИЗБИРАТЕЛИ

ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОДЕРНОСТИ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

М.В. Масловский

(*maslovski@mail.ru*)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Масловский М.В. Интерпретации модерности и консервативные политические элиты в Центральной и Восточной Европе // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 2. С. 5–21.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.2.1>

Аннотация. *Исследования политических трансформаций в Центральной и Восточной Европе опирались на различные цивилизационные подходы и на ранние версии теории модернизации, предполагавшие плавный переход к демократическим политическим институтам. Однако данные подходы сталкивались с трудностями в тех случаях, когда процесс демократизации обращался вспять. В частности, в 2010-е годы пришедшие к власти в Венгрии и Польше право-популистские партии предприняли ряд шагов в направлении «нелиберальной демократии». Как показано в статье, понятия чередующихся модерностей и интерпретации модерности являются релевантными для анализа политических процессов в странах Центральной и Восточной Европы. Эти понятия позволяют учитывать многообразие форм исторического наследия и избирательное использование такого наследия политическими элитами. В настоящее время консервативные элиты в Венгрии и Польше предлагают собственную интерпретацию различных периодов истории этих стран, коммунистической версии модерности и посткоммунистических трансформаций.*

Ключевые слова: *чередующиеся модерности, политическая элита, консерватизм, правый популизм, Венгрия, Польша.*

ВВЕДЕНИЕ

Становление «нелиберальной демократии» в Венгрии и Польше после прихода к власти в этих странах право-популистских партий стало неожиданностью не только для политических деятелей других государств Евросоюза, но и для большинства исследователей, занимающихся изучением политических процессов в Центральной и Восточной Европе. При этом неоднократно отмечалось, что социологические и политологические подходы, выделяющие показатели социально-экономического развития и структурные факторы политических изменений, оказываются не в состоянии объяснить недавние тенденции в странах этого региона. Характерно, что в ряде новейших исследований делается акцент на роли политических проектов правого популизма и подчеркивается, что такие проекты не могут быть адекватно поняты без обращения к лежащим в их основании консервативным идеям и ценностям [Blokker 2019; Bluhm, Varga 2019].

В сложившейся ситуации существует потребность использовать более широкий спектр подходов к проблематике посткоммунистических трансформаций. Одним из перспективных теоретических направлений в данном случае, по-видимому, является концепция чередующихся модерностей (alternating modernities). Последовательную смену различных типов современного общества рассматривает на примере западных государств П. Вагнер [Wagner 2010]. Применительно к Центральной и Восточной Европе концепцию чередующихся модерностей развивает Й. Арнасон [Arnason 2005]. Он не просто характеризует страны этого региона как часть западной цивилизации, вернувшуюся к «нормальности» после аномалий коммунистического периода, но и выделяет последовательность из нескольких типов современного общества, каждый из которых связан со спецификой региона.

Наряду с этим следует обратиться к понятию интерпретации модерности. П. Вагнер рассматривает историю ряда стран Западной Европы и Латинской Америки как чередование интерпретаций современного общества, отличающихся региональным разнообразием и опирающихся на более ранний опыт столкновения с модерностью [Wagner 2015]. Такого рода интерпретации могут направляться существующими политическими элитами, но Вагнер не осознает в полной мере возможных масштабов дедемократизации, осуществляемой этими элитами. Тем не менее сама идея столкновения интерпретаций модерности и пред-

ложенные этим социологом принципы их анализа заслуживают серьезного внимания. В частности, данный подход использовался для характеристики цивилизационного дискурса российской политической элиты [Масловский 2019]. По-видимому, он вполне применим и в случае поворота к «нелиберальной демократии» в странах Центральной и Восточной Европы.

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПЦИЯ ЧЕРЕДУЮЩИХСЯ МОДЕРНОСТЕЙ

Посткоммунистические трансформации в Центральной и Восточной Европе неоднократно рассматривались с позиций цивилизационных подходов. Характеризуя ситуацию в странах этого региона, сложившуюся к началу 1990-х годов, П. Штомпка говорил об их «цивилизационной недостаточности». Образцом цивилизованности выступали для него государства Запада, на которые восточно-европейским странам следовало равняться [Sztompka 1993]. В дальнейшем отмечалось, что посткоммунистические трансформации выступают как часть «длительного исторического процесса демократизации и модернизации на Европейском континенте, временным отклонением от которого было коммунистическое правление. Это в особенности относится к странам Центральной и Восточной Европы, которые исторически тяготели к западному ядру континента» [Ekiert 2015: 332]. При этом делался акцент на «выходящих за рамки национальных границ регионах и более широких “цивилизационных” идентичностях на макроуровне» [Ekiert 2015: 335].

В отечественной социологии значение цивилизационного подхода для исследований социальных трансформаций в России и странах Восточной Европы подчеркивал О.И. Шкаратан. С его точки зрения, многообразие траекторий общественного развития в конечном итоге сводится к различию между двумя типами цивилизации: европейским и азиатским. Если для европейского типа характерно существование частной собственности, баланса интересов между гражданским обществом и государством и приоритета индивидуалистических ценностей, то азиатский тип отличает преобладание государственной собственности, всемогущество институтов государственной власти при факти-

ческом отсутствии гражданского общества, а также преобладание общинных ценностей [Шкаратан 2010: 26].

Сравнивая Россию с посткоммунистическими странами Центральной и Восточной Европы, Шкаратан подчеркивал, что Россия образовывала ядро системы «этакратизма», тогда как западная периферия советского блока отчасти сохраняла европейские институты и ценности и в коммунистический период [Шкаратан 2010: 31]. По его мнению, в обоих случаях цивилизационное наследие сыграло значимую роль в ходе посткоммунистических трансформаций. Как указывает Шкаратан, если страны Центральной и Восточной Европы смогли в значительной мере преодолеть наследие этакратизма, то в России этот социальный строй был трансформирован лишь частично, причем не произошло решительного поворота к частной собственности, гражданскому обществу и демократическим политическим институтам.

Однако с позиций данной версии цивилизационного подхода не представляется возможным объяснить недавние тенденции в общественно-политической жизни восточно-европейских стран, прежде всего Венгрии и Польши. Казалось бы, западное цивилизационное наследие должно было определять основной вектор их развития. Еще в начале 1990-х годов Венгрия и Польша лидировали в процессе демократизации в Центральной и Восточной Европе. Тем не менее именно эти страны оказались в авангарде консервативного поворота в регионе через два десятилетия. Приход к власти партии Фидес в Венгрии в 2010 г. и партии «Право и справедливость» в Польше в 2015 г. ознаменовал радикальные изменения в политической жизни обеих стран. Оказавшись у руля государственной власти, правые популисты предприняли целый ряд вполне «этакратистских» шагов, направленных на ограничение независимости судебной системы и средств массовой информации, а также влияния неправительственных организаций.

По сравнению с цивилизационным подходом в изложении Штомпки и Шкаратана более адекватным средством анализа возрождения антилиберальных тенденций в Центральной и Восточной Европе, по видимому, выступает концепция чередующихся модерностей. По мнению Й. Арнасона, понятие чередующихся модерностей наиболее релевантно для описания опыта стран, проходящих через несколько форм модерности, особенно в тех случаях, когда эта последовательность в значительной мере формируется внешними геополитическими и идеологическими факторами. Он обращается в данной связи к историческому

опыту Чехословакии. В конце XIX в. Чехия была одним из модернизирующихся центров Габсбургской империи, тогда как Словакия в венгерской части империи развивалась более медленными темпами. После Первой мировой войны обе страны стали частями Чехословацкой республики, которая с 1919 по 1938 г. фактически была многонациональным государством с конституционным демократическим правлением.

За нацистской оккупацией страны последовал непродолжительный этап крайне ограниченной демократии, а после него наступил период насаждения советской модели модерности. Как подчеркивает Арнасон, Чехословакия была наиболее развитой страной, попавшей под коммунистическое правление. Последующая социальная трансформация сопровождалась формированием жесткой и полностью зависимой от центра версией советской модели. Возникший в результате этого кризис породил проект реформирования коммунизма, который был подавлен внешними силами. В дальнейшем «восстановление режима, не обладавшего легитимностью, привело к социальному и культурному параличу. Но, несмотря на это, оказался возможным особенно быстрый и плавный выход из коммунизма, когда изменились геополитические условия и псевдореалистическая утопия возврата к “нормальным” западным формам модерна на некоторое время стала казаться более правдоподобной, чем где-либо еще в посткоммунистическом мире» [Арнасон 2011: 27].

Последовательная смена различных форм модерности в Центральной и Восточной Европе анализировалась П. Блоккером. Как указывает этот исследователь, в данном регионе существовало многообразие соперничавших и сменявших друг друга версий модерности [Блоккер 2009]. При этом можно выделить чередовавшиеся тенденции к большей открытости либо закрытости по отношению к западной либеральной модерности. Если тенденция к открытости проявилась в попытках создания более свободного общества, то противоположная тенденция была реализована в наиболее радикальном виде в фашистских и коммунистических проектах модерности. В 1920-е и 1930-е годы в регионе получила распространение тенденция к закрытости, выступавшая как проявление общеевропейского кризиса либерализма. Эта тенденция присутствовала в большей или меньшей степени во всех восточноевропейских странах, хотя в Чехословакии в указанный период сохранилась приверженность конституционно-демократическому устройству государства.

Блоккер разделяет точку зрения, согласно которой установление в странах региона коммунистических режимов после окончания Второй

мировой войны означало попытку создания альтернативной версии модерности. Вместе с тем он приходит к выводу, что перенос советской модели в Центральную и Восточную Европу отчасти ослабил тенденцию к закрытости коммунистической системы. В Венгрии, Польше и Чехословакии продолжали существовать традиции, противостоявшие коммунистической идеологии. В Албании и Румынии возникли отклонения от советского проекта, связанные с большей степенью изоляционизма. В данном случае произошло усиление закрытости по отношению к изначальной модели коммунистической модерности. В целом для анализа исторических процессов в Центральной и Восточной Европе следует учитывать как цивилизационные основания, так и различные траектории модернизации и типы модерности [Delanty 2019: 242].

Концепция множественных модерностей может быть использована для изучения не только обществ советского типа, но и посткоммунистических трансформаций [Масловская, Масловский 2020]. Исследования этих процессов нередко опирались на ранние версии теории модернизации, предполагавшие плавный переход к рыночной экономике и демократическим политическим институтам. Однако такой подход сталкивался с трудностями в тех случаях, когда происходил откат в экономической и политической либерализации [Spohn 2011: 32]. В данной связи отмечалось, что региональные особенности формирования и кризиса коммунистической системы наложили отпечаток на трансформационные процессы в восточноевропейских обществах после ее распада. В 2010-е годы в этом регионе сформировались политические проекты, явно противоречившие установкам диссидентских движений 1970-х и 1980-х годов [Blokker 2013: 40]. Прежде всего в Венгрии и Польше наблюдалось возрождение национализма и усиление тенденции к политической закрытости.

Одной из наиболее дискуссионных сегодня является проблема влияния различных форм исторического наследия на социально-политические процессы в странах Центральной и Восточной Европы. Как отмечают, в частности, С. Коткин и М. Бейсинджер, не следует безоговорочно принимать тезис о сохраняющемся воздействии исторического опыта коммунизма на траектории развития посткоммунистических стран. С точки зрения этих исследователей, в каждом конкретном случае необходимо учитывать возможность влияния как наследия более раннего периода, так и новых факторов, возникших уже после крушения коммунистической системы. При этом коммунистический опыт «не

является единственным значимым историческим опытом, оставившим свое наследие, и могут сохраняться разнообразные виды наследия, в том числе предшествовавшие коммунизму» [Kotkin, Beissinger 2014: 7].

Несмотря на то что исторический опыт реального социализма по-прежнему имеет значение, подобно колониальному прошлому для развивающихся стран, следует ожидать, что его влияние «будет постепенно уменьшаться во многих сферах жизни по мере возникновения новых факторов, формирующих траектории развития» [Kotkin, Beissinger 2014: 2]. Кроме того, темпы изменений в некоторых странах бывшего советского блока за последние десятилетия были столь быстрыми, что использование терминов «постсоциализм» или «посткоммунизм» кажется все более проблематичным [Müller 2019]. Примером влияния как различных форм исторического наследия, так и новых идеологических тенденций служит сегодняшняя политическая ситуация в странах Центральной и Восточной Европы.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОДЕРНОСТИ В КОНСЕРВАТИВНОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ВЕНГРИИ И ПОЛЬШИ

Правящие элиты Венгрии и Польши выступают сегодня ведущими акторами политики правого популизма в Центральной и Восточной Европе. В настоящее время расстановка социальных и политических сил в этих странах отличается. В Польше более значимым является религиозно-консервативное измерение при существенной роли католической церкви, а в структуре гражданского общества широко представлены как консервативные, так и антипопулистские либеральные силы. В отличие от этого, в Венгрии более выражен элемент этнического национализма, а роль религиозного фактора не столь значительна, тогда как антипопулистские течения в гражданском обществе недостаточно влиятельны [Blokker 2019: 524]. Польских и венгерских консерваторов объединяет приверженность идее сильного государства, способного отстаивать национальные интересы. При этом, особенно в идеологии партии «Право и справедливость», делается акцент на «консервативной модернизации», призванной преодолеть зависимое положение польской экономики в Евросоюзе [Jasiecki 2019].

Отмечалось, что расхождение демократии и либерализма в Центральной и Восточной Европе во многом обусловлено противоречием между политическим и экономическим либерализмом. По мнению

Ж. Рупника, «триумф экономического либерализма четверть века назад подготовил почву для сегодняшнего политического антилиберализма» [Rupnik 2018: 33]. Сторонники правого популизма часто отождествляют либерализм с неолиберальными взглядами на роль рыночных механизмов, а также с космополитическим подходом к процессам европейской интеграции. «Либерализму» в таком случае противопоставляются национальные традиции соответствующей страны, а также подвергается критике доминирующая роль либеральной идеологии в политических и экономических трансформациях посткоммунистического периода.

При анализе причин распространения нелиберальных идеологических установок в Центральной и Восточной Европе нередко указывалось на недостаточную институционализацию политических партий и слабую легитимность партийных систем [Powell, Tucker 2014]. Кроме того, в качестве одной из таких причин рассматривалось недовольство широких слоев населения политическими элитами, которые воспринимались как в значительной степени коррумпированные. Однако в таком случае консервативные тенденции должны были быть выражены скорее в Румынии и Болгарии, чем в Венгрии и Польше. В целом подходы, сфокусированные на слабой институционализации партийных систем, не учитывают в достаточной степени различия между странами региона [Bluhm, Varga 2019: 4–5].

В то же время в последние годы исследователи стали уделять больше внимания влиянию структур гражданского общества и социальных движений на распространение консервативных тенденций [Saxonberg 2016]. В Венгрии и Польше консервативно настроенные интеллектуалы и группы гражданского общества формировались с начала 1990-х годов. В дальнейшем они радикализировались и превратились во влиятельные силы, способные мобилизовать широкую общественную поддержку популистским партиям. С точки зрения П. Блоккера, различные формы правого популизма следует характеризовать как «особые политические проекты, мобилизующие антилиберальные, консервативные силы в обществе, рассматривая популистскую риторику и практику как попытки демонтировать либеральные конституционные институты» [Blokker 2019: 521].

Ряд исследователей отмечают упадок влияния бывших диссидентов — представителей первой волны либерализма в странах Центральной и Восточной Европы. Если в 1989 г. они вышли на авансцену политической жизни, то в дальнейшем оказались не в состоянии создать

жизнеспособные политические партии. Характерно, что единственная основанная бывшими диссидентами партия, которая добилась электорального успеха, — это Фидес, возглавляемая В. Орбаном. Но этот успех был достигнут после ее трансформации в консервативную партию, продвигающую идею «нелиберальной демократии» [Rupnik 2018: 32].

Некоторые комментаторы характеризовали правых популистов в Венгрии и Польше как беспринципных политиков, озабоченных прежде всего собственными властными интересами. В частности, при анализе «мафиозного посткоммунистического государства», сложившегося в Венгрии, делался акцент на инструментальном использовании идеологических лозунгов ради достижения преимущественно экономических интересов [Мадьяр 2016]. Вместе с тем отмечалось, что политика партий Фидес и «Право и справедливость» опирается на определенный идеологический фундамент. Так, по мнению И. Крастева, лидер партии «Право и справедливость» Ярослав Качиньский «не является оппортунистом, стремящимся уловить настроение масс и двигаться вдоль установленных Евросоюзом красных линий, стараясь не пересекать их. Вместо этого он выступает как подлинный идеолог» [Krastev 2016: 89]. Хотя консервативные идеи не являются единственным фактором, определяющим политику правого популизма в странах Центральной и Восточной Европы, необходимо обратиться к идеям и ценностям, лежащим в основании популистских политических проектов. В данном случае интеллектуалы и политические деятели «целенаправленно заново изобретают консерватизм и пытаются определять политическую повестку» [Bluhm, Varga 2019: 2].

Подчеркивалось, что ключевым пунктом, вокруг которого формировался нелиберальный консерватизм в Польше и Венгрии, являлась «защита католической церкви и значения христианских ценностей для соответствующих обществ» [Bluhm, Varga 2019: 7]. При этом, в частности, партию «Право и справедливость» нельзя классифицировать «как классическое христианско-демократическое движение. Для нее более важна историческая роль церкви как защитницы национального суверенитета Польши и как института, имеющего значительный вес в современном польском обществе» [Мещеряков 2014: 258]. В целом религиозные организации сыграли значительную роль в консервативном повороте в странах Центральной и Восточной Европы. Данная тенденция оказалась прямо противоположна той, которая действовала в ходе «третьей волны» демократизации в 1970–1980-е годы, когда ка-

толическая церковь выступала в качестве демократической силы [Casanova 2011].

Один из основных вопросов, вокруг которых группировались консервативные идеологические течения в Венгрии и Польше, касался отношения к коммунистическому прошлому. В рамках консервативного идеологического поворота использовались элементы антикоммунистического дискурса начала 1990-х годов. При этом объектом критики становились не только те, кто ассоциировался с коммунистическим прошлым, но и бывшие диссиденты, считавшие, что борьба с наследием коммунизма уже не является приоритетной задачей. В то же время провозглашаемой целью консервативных политических сил в регионе становится все более последовательное дистанцирование от коммунистического прошлого.

Если в Чехии вскоре после крушения коммунистического режима было принято радикальное законодательство о люстрации, то в Польше и Венгрии соответствующие меры носили менее последовательный характер. В дальнейшем эта проблема всячески подчеркивалась польскими последователями братьев Качиньских и венгерскими сторонниками В. Орбана. Вместе с тем в Польше историческая политика стала основным идентификатором конфликтов, разделивших страну, что происходило на фоне растерянности либеральных и демократических элит [Исаев 2019]. Сходная ситуация наблюдалась в Венгрии, где консервативный дискурс получил распространение задолго до победы партии Фидес на парламентских выборах 2010 г. [Buzogány, Varga 2019]. В Польше партия «Право и справедливость» широко использовала теорию заговора вокруг крушения под Смоленском в апреле 2010 г. самолета, на котором летели руководители страны. «Вера в эту теорию, а не определенный возраст, доход или образование в наибольшей степени является характеристикой сторонников партии Качиньского» [Krastev 2016: 95].

По мнению И. Крастева и С. Холмса, в течение двух десятилетий после 1989 г. политическую философию посткоммунистических элит Центральной и Восточной Европы можно было представить в качестве единого императива подражания Западу. Новые элиты прежде всего стремились к тому, чтобы «их страны стали “нормальными”, то есть подобными Западу. Это предполагало импорт либерально-демократических институтов, применение западных политических и экономических рецептов и публичную поддержку западных ценностей. Имитация

понималась как кратчайший путь к свободе и процветанию» [Krastev, Holmes 2018: 118].

Однако процесс имитации неизбежно сопровождался ощущением собственной ущербности и утраты идентичности. Кроме того, имитация западных образцов подразумевала, что Запад вправе оценивать, насколько успешным оказалось заимствование. Тем самым корни право-популистского консервативного поворота в регионе следует искать в политической психологии и прежде всего в «глубоко укоренившемся отвращении к “имитационному императиву” периода после 1989 года со всеми его унижительными следствиями» [Krastev, Holmes 2018: 118]. Иными словами, усиление антилиберальных тенденций в значительной мере определялось стремлением консервативных сил восстановить национальное самоуважение.

Кроме того, последствия войны в Ираке в 2003 г. дискредитировали идею распространения демократии, а экономический кризис 2008 г. породил недоверие к экономическим элитам. В итоге жители стран Центральной и Восточной Европы «отвернулись от либерализма не потому, что он оказался несостоятельным в их странах, а потому, что, по их мнению, он оказался несостоятельным на Западе. Как будто бы им велели подражать глобально доминирующему Западу в тот самый момент, когда Запад утрачивал это доминирование» [Krastev, Holmes 2018: 119].

Особое беспокойство в странах Центральной и Восточной Европы вызывает этнокультурная трансформация западных обществ. Сторонники идей правого популизма рассматривают распределение мигрантов в соответствии с установленными Европейской комиссией квотами как «попытку навязать им модель мультикультурного общества, которую они считают провалившейся. Мы можем наблюдать в этих странах возвращение дискурса о защите национальной культуры и европейской цивилизации — на этот раз от исламизма, надвигающегося с юга, как когда-то от советской угрозы с востока» [Rupnik 2018: 33].

Согласно Крастеву и Холмсу, поскольку западная «нормальность» видится восточным европейцам не в качестве идеального состояния, но как реально существующее общество, то происходящие в странах Запада изменения приводят к тому, что меняется и понимание нормального. «В глазах консервативно настроенных поляков в годы холодной войны западные общества были нормальными, поскольку, в отличие от коммунистической системы, они сохраняли традиции и верили в бога. Затем поляки неожиданно обнаружили, что западная “нормаль-

ность” сегодня означает секулярность, мультикультурализм и гомосексуальные браки» [Krastev, Holmes 2018: 121]. По мнению этих исследователей, не следует удивляться тому, что консервативно настроенные поляки почувствовали себя обманутыми, когда увидели, что западное общество уже не существует в прежнем виде.

Для консервативных элит, пришедших к власти в Венгрии и Польше, «открытые общества Западной Европы, неспособные защитить свои границы от иностранных (в особенности мусульманских) “захватчиков”, выступают как в целом негативная модель, наглядная картина того социального порядка, которого восточные европейцы хотят избежать» [Krastev, Holmes 2018: 127]. При этом правые популисты в Центральной и Восточной Европе не просто отвергают прежний «императив имитации», но разворачивают его на 180 градусов. Как утверждают В. Орбан, Я. Качиньский и их последователи, именно Венгрия и Польша являются сегодня подлинной Европой, которой должна подражать западная часть континента, чтобы сохранить свою идентичность. Тем самым правые популисты предлагают в том числе и собственную интерпретацию западной модерности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход от осознания восточными европейцами собственной «цивилизационной недостаточности» к реализации альтернативного проекта «нелиберальной демократии» едва ли может быть объяснен исключительно в терминах цивилизационного подхода. Понятие цивилизации предполагает значительную степень исторической преемственности и зависимости от колеи предшествующего развития. Цивилизационные тренды не могут кардинально измениться в течение двух десятилетий. Понятия чередующихся модерностей и интерпретации модерности позволяют в большей степени учитывать многообразие форм исторического наследия в восточно-европейских странах и избирательное использование такого наследия политическими элитами.

Пришедшие к власти в Венгрии и Польше правые популисты предлагают собственную интерпретацию различных периодов истории этих стран, коммунистической версии модерности и посткоммунистических трансформаций. Кроме того, они по-своему интерпретируют и современное состояние западных обществ. В глазах сегодняшних восточно-европейских консерваторов «подлинный» Запад — это тот образ, кото-

рый сложился у них еще до крушения коммунистической системы. После воссоединения ранее разделенных частей европейского континента постепенно нарастало расхождение между «воображаемым» Западом и реальностью. В настоящее время венгерская и польская консервативные элиты расценивают структуры Евросоюза и западноевропейские государства как неспособные справиться с существующими проблемами, в том числе с потоком мигрантов из развивающихся стран. В качестве подлинной Европы эти консервативные элиты представляют сегодня собственные «иллиберальные» режимы, предлагая их как образец для подражания тем государствам, чьи политические и экономические институты они еще недавно столь прилежно копировали.

Литература

Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.

Блоккер П. Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 18–34.

Исаев И. Удержать прошлое: как Польша, борясь с коммунизмом, губит демократию // Неприкосновенный запас. 2019. № 1. С. 54–63.

Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 392 с.

Масловская Е.В., Масловский М.В. Историческое наследие советской версии модерна: новые теоретические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 1. С. 7–17.

Масловский М.В. Цивилизационный дискурс российской политической элиты в контексте интерпретаций модерности // Власть и элиты. 2019. Т. 6, вып. 1. С. 15–31.

Мещеряков Д.Ю. Католическая церковь как политический актор в посткоммунистической Польше: влияние на партийную политику // Политическая наука. 2014. № 3. С. 249–259.

Шкаратан О.И. Системы цивилизации и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. 2010. № 3. С. 23–45.

Arnason J. Alternating Modernities: The Case of Czechoslovakia // European Journal of Social Theory. 2005. Vol. 8, № 4. P. 435–451.

Blokker P. The Ruins of a Myth or a Myth in Ruins? Freedom and Cohabitation in Central Europe // The Inhabited Ruins of Central Europe / ed. by D. Gafijczuk, D. Sayer. L.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 40–54.

Blokker P. Populist Counter-Constitutionalism, Conservatism and Legal Fundamentalism // European Constitutional Law Review. 2019. Vol. 15. P. 519–543.

Bluhm K., Varga M. Introduction: Toward a New Illiberal Conservatism in Russia and East Central Europe // *New Conservatism in Russia and East Central Europe* / ed. by K. Bluhm, M. Varga. L.: Routledge, 2019. P. 1–22.

Buzogány A., Varga M. Against “Post-communism”: the Conservative Dawn in Hungary // *New Conservatism in Russia and East Central Europe* / ed. by K. Bluhm, M. Varga. L.: Routledge, 2019. P. 70–91.

Casanova J. Cosmopolitanism, the Clash of Civilizations and Multiple Modernities // *Current Sociology*. 2011. Vol. 59, № 2. P. 252–267.

Delanty G. Formations of European Modernity: A Historical and Political Sociology of Europe. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2019. 479 p.

Ekiert G. Three Generations of Research on Post-communist Politics — a Sketch // *East European Politics and Societies*. 2015. Vol. 29, № 2. P. 323–337.

Jasiecki K. “Conservative Modernization” and the Rise of Law and Justice in Poland // *New Conservatism in Russia and East Central Europe* / ed. by K. Bluhm, M. Varga. L.: Routledge, 2019. P. 130–153.

Kotkin S., Beissinger M. The Historical Legacies of Communism: An Empirical Agenda // *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe* / ed. by M. Beissinger, S. Kotkin. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1–27.

Krastev I. The Unraveling of the Post–1989 Order // *Journal of Democracy*. 2016. Vol. 27, № 4. P. 88–98.

Krastev I., Holmes S. Imitation and Its Discontents // *Journal of Democracy*. 2018. Vol. 29, № 3. P. 117–128.

Müller M. Goodbye, Postsocialism! // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71, № 4. P. 533–550.

Powell E., Tucker J. Revisiting Electoral Volatility in Post-communist Countries: New Data, New Results and New Approaches // *British Journal of Political Science*. 2014. Vol. 44, № 1. P. 123–147.

Rupnik J. The Crisis of Liberalism // *Journal of Democracy*. 2018. Vol. 29, № 3. P. 24–38.

Saxonberg S. Beyond NGO-ization: the Development of Social Movements in Central and Eastern Europe. L.: Routledge, 2016. 280 p.

Spohn W. World History, Civilizational Analysis and Historical Sociology: Interpretations of Non-Western Civilizations in the Work of Johann Arnason // *European Journal of Social Theory*. 2011. Vol. 14, № 1. P. 23–39.

Sztompka P. Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies // *Zeitschrift für Soziologie*. 1993. Vol. 22, № 2. P. 85–95.

Wagner P. Successive Modernities and the Idea of Progress: A First Attempt // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 11, № 2. P. 9–24.

Wagner P. Interpreting the Present: A Research Programme // *Social Imaginaries*. 2015. Vol. 1, № 1. P. 105–129.

INTERPRETATIONS OF MODERNITY AND THE CONSERVATIVE POLITICAL ELITES IN CENTRAL EASTERN EUROPE

M. Maslovskiy

(*maslovski@mail.ru*)

*Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences —
a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Citation: Maslovskiy M. Interpretatsii modernosti i konservativnyye politicheskiye elity v Tsentral'noy i Vostochnoy Yevrope [Interpretations of modernity and the conservative political elites in Central Eastern Europe]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (2): 5–21. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.2.1>

Abstract. *Research on political transformations in Central Eastern Europe drew on civilizational approaches and early versions of modernization theory that presupposed smooth transition to democratic political institutions. However, these approaches encountered difficulties in case of reversal of democratization processes. Thus right-wing populist parties which took power in Hungary and Poland moved in the direction of “illiberal democracy” in the 2010s. It is demonstrated in the article that the concepts of alternating modernities and interpretation of modernity are relevant for analysis of political processes in Central Eastern European states. Employing these concepts allows us to take into consideration multiple forms of historical legacy and selective use of such legacy by political elites. Right-wing populist elites in Hungary and Poland offer their own versions of history of these countries, the communist version of modernity and post-communist transformations.*

Keywords: *alternating modernities, political elite, conservatism, right-wing populism, Hungary, Poland.*

References

- Arnason J. Alternating Modernities: The Case of Czechoslovakia. *European Journal of Social Theory*, 2005, 8 (4), pp. 435–451.
- Arnason J. Kommunizm i modern [Communism and Modernity]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2011, 1, pp. 10–35. (In Russian)
- Blokker P. Stalkivayas' s modernizatsiei: otkrytost' i zakrytost' drugoi Evropy [Confronting Modernization: Openness and Closure of the Other Europe]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2009, 6, pp. 18–34. (In Russian)

Blokker P. The Ruins of a Myth or a Myth in Ruins? Freedom and Cohabitation in Central Europe. In: *The Inhabited Ruins of Central Europe*. Ed. by D. Gafijczuk, D. Sayer. London: Palgrave Macmillan, 2013, pp. 40–54.

Blokker P. Populist Counter-Constitutionalism, Conservatism and Legal Fundamentalism. *European Constitutional Law Review*, 2019, 15, pp. 519–543.

Bluhm K., Varga M. Introduction: Toward a New Illiberal Conservatism in Russia and East Central Europe. In: *New Conservatism in Russia and East Central Europe*. Ed. by K. Bluhm, M. Varga. London: Routledge, 2019, pp. 1–22.

Buzogány A., Varga M. Against “Post-communism”: The Conservative Dawn in Hungary. In: *New Conservatism in Russia and East Central Europe*. Ed. by K. Bluhm, M. Varga. London: Routledge, 2019, pp. 70–91.

Casanova J. Cosmopolitanism, the Clash of Civilizations and Multiple Modernities. *Current Sociology*, 2011, 59 (2), pp. 252–267.

Delanty G. *Formations of European Modernity: A Historical and Political Sociology of Europe*. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2019. 479 p.

Ekiert G. Three Generations of Research on Post-communist Politics — a Sketch. *East European Politics and Societies*, 2015, 29 (2), pp. 323–337.

Isaev I. Uderzhat' proshloe: kak Pol'sha, borias' s kommunizmom, gubit demokratiyu [Holding to the Past: How Poland Struggling with Communism Destroys Democracy]. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture* [Emergency Ration: Debates on Politics and Culture], 2019, 1, pp. 54–63. (In Russian)

Jasiecki K. “Conservative Modernization” and the Rise of Law and Justice in Poland. In: *New Conservatism in Russia and East Central Europe*. Ed. by K. Bluhm, M. Varga. London: Routledge, 2019, pp. 130–153.

Kotkin S., Beissinger M. The Historical Legacies of Communism: an Empirical Agenda. In: *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. Ed by M. Beissinger, S. Kotkin. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 1–27.

Krastev I. The Unraveling of the Post-1989 Order. *Journal of Democracy*, 2016, 27 (4), pp. 88–98.

Krastev I., Holmes S. Imitation and Its Discontents. *Journal of Democracy*, 2018, 29 (3), pp. 117–128.

Madyar B. *Anatomiya postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva. Na primere Vengrii* [Anatomy of a Post-communist Mafia State. The Example of Hungary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 392 p. (In Russian)

Maslovskaya E., Maslovskiy M. Istoricheskoe nasledie sovetskoj versii moderna: nove teoreticheskie podkhody [Historical Legacy of the Soviet Version of Modernity: New Theoretical Approaches]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2020, 20 (1), pp. 7–17. (In Russian)

Maslovskiy M. Tsivilizatsionnyi diskurs rossiiskoi politicheskoi elity v kontekste interpretatsii modernosti [Civilizational Discourse of the Russian Political Elite in the Context of Interpretations of Modernity]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (1), pp. 15–31. (In Russian)

Meshcheryakov D. Katolicheskaya tserkov' kak politicheskii aktor v postkommunisticheskoi Pol'she: vliyanie na partiinuyu politiku [The Catholic Church as a Political Actor in Post-communist Poland: the Influence upon Party Politics]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2014, 3, pp. 249–259. (In Russian)

Müller M. Goodbye, Postsocialism! *Europe-Asia Studies*, 2019, 71 (4), pp. 533–550.

Powell E., Tucker J. Revisiting Electoral Volatility in Post-communist Countries: New Data, New Results and New Approaches. *British Journal of Political Science*, 2014, 44 (1), pp. 123–147.

Rupnik J. The Crisis of Liberalism. *Journal of Democracy*, 2018, no. 29 (3), pp. 24–38.

Saxonberg S. *Beyond NGO-ization: the Development of Social Movements in Central and Eastern Europe*. London: Routledge, 2016. 280 p.

Shkaratan O. Sistemy tsivilizatsii i modeli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii i drugikh postkommunisticheskikh stran Evropy [The Systems of Civilization and Models of Socio-economic Development of Russia and Other Post-communist Countries of Europe]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2010, 3, pp. 23–45. (In Russian)

Spohn W. World History, Civilizational Analysis and Historical Sociology: Interpretations of Non-Western Civilizations in the Work of Johann Arnason. *European Journal of Social Theory*, 2011, 14 (1), pp. 23–39.

Sztompka P. Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies. *Zeitschrift für Soziologie*, 1993, 22 (2), pp. 85–95.

Wagner P. Successive Modernities and the Idea of Progress: A First Attempt. *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*, 2010, 11 (2), pp. 9–24.

Wagner P. Interpreting the Present: A Research Programme. *Social Imaginaries*, 2015, 1 (1), pp. 105–129.